

О целостности русской идеи

Подытоживаемая в общей формуле русская идея заключается в живой и подвижной связи категорий: Духовности, Державности и Соборности. Это триединство, подготовленное всей предшествующей историей России, в XIX в. было сформулировано для своего времени как неразрывность Православия, Самодержавия и Народности.

Вот уже полтора столетия наша либеральная и революционная интеллигенция теоретически и практически трудилась над разрушением органической слитности указанных сторон, в конечном счете вела борьбу на уничтожение самих этих сторон русского мироустройства и миропонимания, доводя дело до результата, соответствующего ее собственному складу сознания. Рассечение указанного триединства, созидавшегося по образу и подобию триады Добра, Истины и Красоты или, если угодно, по образу Святой Троицы (истолкование смысла триединства в которой заключено в Православном учении), разрознивание живой духовной целостности на отдельные элементы превращало это единство в мертвенный конгломерат, механически тяготеющий над душами, в нечто достойное лишь осуждения, проклятия и уничтожения.

Взятые по отдельности и рассматриваемые порознь, составляющие русской идеи легко подвергать деструктивной критике, суровому и справедливому осуждению, ибо вне внутренней связи между собой они и в самом деле утрачивают свои зиждательные функции, свои потенции совершенствования и начинают играть совсем иную роль, подчас противоположную своему действительному назначению.

Перенесением элементов триады в чужеродную — западную и западническую — систему понимания довершалось негативное отношение к ним: Православие — лишь одна из религий, притом наиболее застарелая и консервативная, — хуже: оправдывающая угнетение, деспотизм властей; Самодержавие — конечно же абсолютизм, самовластье; Народность — псевдоним крепостного права.

Не удивительно, что при формировании и пропаганде у нас «передовой» и «прогрессивной» интеллигенцией такого взгляда в самом ее идейном облике запечатлелись черты антирусской идеи: безбожие, атеизм, бездуховность, переходящие в сатанизм; антигосударственность; беспочвенность, безнациональность, космополитизм как обратная сторона индивидуализма.

При анализе фактического содержания, скрывающегося под лозунгами свободы, равенства и братства, можно было бы легко показать, что объединяющее начало в русской идее решительно противостоит заключенным в этих лозунгах началам разъединяющим. Здесь замечу лишь, что замешанная на атеизме Французская революция с отсечением головы королю решительно отсекала власть от народа, раскрошила национальное единство «старого режима», а единство чаемое (лозунг «братства») так и не претворила в жизнь, — претворила противоположный братству принцип — конкуренции, недоверия и подозрительности, грызни и вражды; претворила принцип гражданского общества, заключающий в себе разъединение, обособление и рознь интересов, а не братство, основанное на соединении душ в любви.

Неспроста некоторые исследователи распознают в фактическом содержании лозунгов Французской революции, свободе, равенстве и братстве, трансплантированных либералами и радикалами на русскую почву, не что иное, как антирусскую идею. По крайней мере ориентация на эти лозунги (фальшь которых легко разоблачается) по существу всегда была у нас равнозначна отвержению русской идеи.

А действительные нападки на последнюю кажутся тем «справедливее», деструктивная критика — тем «убедительнее», что каждый из элементов уваровской формулы берется в его изолированности, в «догматически обособляющем истолковании» (П.И.Новгородцев), в оторванности от положительных органических связей его с другим, от такого же живого единства с целым, — берется вне развивающейся традиции, в оторванности от живой общности, рассматривается в не свойственном ему контексте. Именно.

Православие понимается как одно из проявлений «религии» вообще, а не в контексте русской идеи, не как одно из ее преломлений, не как один из ее аспектов.

Самодержавие — абсолютная монархия, одна из форм политического устройства, наряду с другими: аристократическим, республиканским, демократическим, каковы они в измерениях Запада, а не каковы в отношении к обычаям, нравам, традициям, религии данного народа. Западническая мысль воспринимает самодержавие не иначе как на европейский манер и, разумеется, видит в нем все пороки «абсолютизма» и «тирании». Она не может понять его как явление исключительно и типично русское — как **диктатуру совести** (Вл. Соловьев), диктатуру православной совести русского царя и всякого простого русского человека, как диктатуру народной совести. Именно это **самодержавие совести** накладывает внутренние ограничения на возможные поползновения самодержца к тирании. У нас монарх самоопределяется тем, что ограничивает себя изнутри, тогда как на Западе его ограничивают извне: ограничивает конституция, парламент, народ.

Наконец, **Народность**. Что слышим мы об этом третьем члене нашей социальной Троицы? Это-де лишь лицемерное словесное прикрытие политики закабаления народа, «официальная народность», в лучшем же случае этническое понятие или направление в литературе, а не почвенничество православной веры и российской державности, не народная целизна, не национальная сплоченность, не соборное единство соотечественников.

При подходе к элементам русской идеи в их отсеченности друг от друга дальнейшее рассмотрение, как и попытка последующего синтеза их, дает превратное представление и — неудивительно! — отталкивающее впечатление — даже без умысла что-то еще исказить в этом предмете. Довольно уже и того, что формула «Православие, Самодержавие и Народность» с самого начала выставлена в ложном свете: профанированной, расщепленной, безжизненной и бездуховной, извращенной уже в первых актах интерпретации ее основных составляющих.

Дело расчленения русской идеи, как и самой России, которая есть реальный предмет этой идеи, проводится способом, обозначенным в гетевском «Фаусте», способом вполне научным и практическим, проводится с тою односторонностью, которая в вопросах созидания являет темноту и неспособность «ткань

соткать из нитей», а в деле разрушения демонстрирует успехи и достижения на основе «дрессировки» ума, с помощью «курса логики» с ее «редукциями» и «классификациями», с немецкой «методичностью», бездушным «порядком» и «пунктуальностью», гелертерски, — подерничево Мефистофеля:

...Живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нем познание получить,
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!1.

Воссоздавать единство трудно. Говорят, надо сначала сростить разъятые части умерщвленного тела, омыв мертвой водой, затем живой водой одухотворить, вселить в него — вернее, возвратить ему — душу. В такие **сказки** о воскрешении, больше того, в миф о фениксовом возрождении из пепла, мы относительно России хотим и должны верить (и есть на то несметное множество оснований, далеко не все из которых мы можем сознавать, — потому и должны верить); мы обязаны твердо в это верить, тем более, что не все пока что разрознено и загублено, не все еще рассечено и растаскано на кусочки, и есть еще из чего восстанавливать.

Эта вера не со стороны, не извне подсоединяется к русской идее, она — собственный аспект ее, это одно из проявлений свойственного нашей идее **богочеловеческого** начала. Как вера в русскую идею подразумевает реальность предмета веры, так русская идея подразумевает, что мы имеем дело с нею не как с внешним нам безжизненным «объектом», а как с **нашим** существенным предметом, с предметом нашей веры, предметом живой верующей души, предметом воления для существа нравственного и свободного. Здесь просвечивает очень близкий аналог, образ и проявление богочеловеческого отношения.

И не должно вызывать удивления, что для Вл. Соловьева **русская идея** является **предметом веры**, глубоко личным кредо, страстным **исповеданием**. В вере в русскую идею, как и в ее предметную действительность — в Россию, у философа проявляется не только нравственный, но и уверенно восходящий к религиозному, пафос русского духа, русского народа как целого. Это слышится во вдохновенном обращении Вл. Соловьева к Гусуду

рю: «Веруя, что только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения, проявляемую ныне в таких небывалых размерах, — веруя также, что русский народ в целостности своей живет и движется духом Христовым, — веруя, наконец, что царь России есть представитель и выразитель народного духа, носитель всех лучших сил народа, — я решился с публичной кафедры исповедать эту веру»².

Перед лицом воинствующего и разрушительного направления, ставшего фактом истории и современной действительности, встает задача возрождения духовного содержания заглушенных и катастрофически утрачиваемых традиционных ценностей русского народа, вековых его святынь; задача собирания и сращивания в былое органичное целое еще не извращенных, не размененных, не уничтоженных элементов в сторон русского духа, во многом явно подавленного и пресеченного в его характерных проявлениях; задача творческого развития их в свойственном им национально ориентированном направлении.

В выполнении такой, объективно выдвинутой условиями и временем, многосложной задачи животворную и конструктивную роль должна сыграть национально мыслящая патриотическая часть отечественной интеллигенции, объединяющейся под знаменем русской идеи³.

Элементы русской идеи должны быть восстановлены, очищены от искажений, от исторических случайностей и волюнтаристских наслоений и привнесений, приняты в их развитом, отвечающем требованиям времени виде, приведены в связь между собою и с их предшествующим историческим развитием, т.е. с учетом требований системности и преемственности традиции.

Эта работа по воссозданию из обломков по частям уже начата разными движениями, направлениями, партиями, союзами, обществами. В соответствии с основной «структурой» русской идеи имеет смысл обозначить следующие концепции современного духовно-нравственного возрождения России: православная доктрина в трактовке ее нынешними церковными авторитетами; государственно-политические (включая монархическую) версии обустройства России; национально-патриотические концепции нравственно-духовного единства народа и — не побоюсь этого слова — братства народов.

Самосознание нашего народа — прежде всего нравственное, а не политическое, юридическое или научно-интеллектуальное самосознание. Примечательно, что в категориях нрав

ственности измеряются у нас и власть, в них же выверяется и оценивается и коллективизм, и общинность, и соборность и даже религиозность; и личность, и характер войны и мира, и политика, и наука. Не сводимая к политической, русская идея заключает в себе политический аспект, и в его преломлении заключено вполне определенное отношение к политическим акциям, политическим движениям и партиям.

Ввиду того, что различные партии под влиянием политической конъюнктуры хитро и коварно используют как вывеску ту или иную сторону русской идеи в борьбе за власть или за место в навязанных нам чуждых властных структурах, приходится и по этим вполне практическим соображениям отстаивать целостность нашей идеи. Ибо изъятие хотя бы одного из ее моментов, обособление его от остальных (не говоря уж о трансплантации в инородные построения и системы) ведет — мы уже знаем к чему: знаем и на примере заигрывания с идеей единодержавия, и на примерах попыток отделить Православие от русской идеи, и по перехватам лозунгов и проституированию чувства патриотизма, прежде подвергавшегося крикунами от космополитизма оуждениям и издевательствам, а теперь самими же ими используемое, т.е. взятое «напрокат».

Другая сторона забот о целостности русской идеи — ее чистота от чужеродных привнесений, беспримесность. Особая опасность здесь — попытки внедрять разлад и разорванность в саму сердцевину национального характера, в склад русской души, в трактовку нашего национального сознания как исконно противоречивого. Таковую раздвоенность в саму природу русского духа полагает даже теоретик русской идеи Н.Бердяев (по доброте А.В. Гулыги причисленный к «творцам» русской идеи, — как если бы последнюю и в самом деле можно было бы не открывать, постигать, формулировать, нести в себе и т.д., а творить, измышлять, создавать). В русской натуре он видит болезненный разлад, кричащие противоположности и противоречия, отсутствие собранности и даже всякого стремления к интегрированности духа. Более того, есть будто бы неукротимая тенденция к обострению внутреннего раздора до последних пределов и крайних напряжений.

Стало чем-то вроде моды начинать с феномена противоречия и, без всяких попыток прояснить его генезис, принимать как неоспоримую очевидность, выдавая за сущность, за субстанциальное в русской душе. Нынешнее расстроенное состояние, в

котором пребывает русское национальное сознание, и есть-де свойственное ему, от века присущее состояние: пребывание в противоположностях порочности и святости, бунта и покладистости, безудержного разгула и рабского смирения и т.д. На деле же такая «диалектичность» его означает, конечно, не что иное, как нарушение органичной целостности интервенцией извне, подорванность духовного здоровья внешними воздействиями, а не подлинную суть русской природы.

В русских национальных началах раздвоению нет места. По отношению к ним, как доказывал А.С.Хомяков, это явление может носить только случайный и приводящий характер: «Раздвоение, подавляющее в нас духовную силу», идет от романо-германской Европы. Прошлое и настоящее Запада — это раздвоение и борьба, доходящие «до крайности, до окончательного расслабления народной жизни и до безграничного преобладания эгоистической и рассудочной личности»⁴. Одностороннее знакомство с жизнью западноевропейских стран, признание их исторического пути развития за норму для эволюции русского общества привело к принятию теории, выдаваемой нашими западниками за закон развития всего человечества.

Не в силах преодолеть собственную душевную раздвоенность и внутренний свой разлад, наша западническая интеллигенция возвела эту противоречивость в высшее жизненное и духовное достоинство личности и наслаждалась этой негативной диалектикой, и это же разорванное состояние своего сознания она проецировала (когда диалектика эта начинала принимать до очевидности отвратительные формы) на весь русский народ, сама тем самым как бы освобождаясь, очищаясь благодаря этому вытеснению своей раздвоенности вовне и ставя ее теперь уже в укор и посрамление русскому национальному характеру.

От славянофилов шла в России традиция, отстаивавшая идею единства в противоположность раздвоению и распаду. Принцип живой целостности исконно присущ русской душе. Ее идеал — величественное спокойствие, мерность, лад, неколебимость в принятии добра, когда приходится предстоять добру и злу. «Изначальная целостность эта была силой древнерусского человека. Она направляла все его поступки. Он целостно молился, целостно любил и ненавидел, целостно строил и разрушал. И вся древнерусская культура носила отпечаток этой цельности. Власть в области государственности, Церковь в области собор

ной духовной жизни, подвижники в области личного духовного достижения были произведениями этой целостности»⁵.

Идея сплоченности и внутренне согласованного единства выступает доминирующим и основополагающим принципом у Хомякова, у Ап. Григорьева («органическое мировоззрение»), затем у Достоевского (стремление к единству в Добре, в нравственной красоте), у Н. Федорова (в «Философии общего дела»), у Вл. Соловьева (идея всеединства). Точка зрения единства — не только органичного, но и духовного — развивается в противовес западникам славянофилами, в самом психологическом складе которых чувствуется «спокойствие, уравновешенность и несокрушимая надежность» (А.Ф. Лосев). Они неспроста ощущали свое духовное родство с русской стариной, с далекими нашими предками. — «Душа русского народа была тогда едина. И заседал ли он в боярской думе, спасал ли свою душу в скитах, обрабатывал ли землю, грабил ли по дорогам, — это был один и тот же русский народ. Он жил одним мирозерцанием... Основа мирозерцания древней Руси была — небывалая цельность духа»⁶.

В свете которой же из двух представленных здесь точек зрения подходить нам к русской идее?

Как много слышаны мы из определенной традиции, далеко не столь древней и почтенной, какую имеет за собой тысячелетняя традиция, подытоживаемая в русской идее, — как много слышаны мы из традиции либеральной и революционной о **непримиримых** противоречиях между народом и монархией! Как только могла Россия нести в себе неразрешенными и непримиренными эти противоречия через многовековую историю?! Как могла выдерживать их? Неужели не было сколько-нибудь существенного положительного отношения между ними? История указывает нам на такого рода отношения. Они существовали, и притом самые теснейшие. И вот как шло осмысление их, например, у И. Солоневича. Осмысление в духе русской идеи, проповедуемой им в «Народной монархии».

Со времен княжения Андрея Боголюбского являются первые отчетливые образы «мизинных» людей как монархически настроенного народа и формы власти как народной монархии. Между ними нет непримиримых противоречий, напротив, они поддерживают друг друга, вместе и порознь поддерживают Православие, которое в свою очередь вступает в конструктивное отношение к народной монархии и монархически настроенному народу; а поскольку народ и монархия — православные, —

в отношении духовно-нравственное и созидательное к православному народу и православной монархии.

При этом православие выступает как опосредствование и синтезирующий элемент, который, пропитывая синтезируемые им моменты и сам окрашивается в их тона, т.е. в свою очередь приобретает и народный характер, и монархический. Так церковная религия может быть одновременно и народной, и государственной. Таково русское Православие: это — национальная религия, религия русского народа, носителя этой духовной силы, которая сохраняет русский народ и оберегает самодержавную власть. Сказанное о синтезирующей функции Православия, принимающего отблеск синтезируемых им элементов, следует, конечно, аналогичным образом отнести и к самодержавию, и к народности, и все это вместе создает прочную связь, органичную целостность русской идеи.

При такой взаимосвязанности иные из характеристик того или иного «элемента» тройственной формулы могут выражать вместе с тем и русскую идею в целом. Так, важнейшим средоточием духовности в России всегда считалась и является по сути своей Православие, а внутри последнего — ядро, сущность духовности, принцип духовного единства Божественная Троица, по образцу которой и разворачивается целостное единство социальной Троицы русской идеи, наиболее общее выражение и современная формула которой — Духовность, Державность и Соборность. Таким образом триадичностью существенно характеризуется как элемент религиозный, Православие, так и русская идея в целом.

Значит, и осмыслять и теоретически развивать русскую идею можно, как это и делается, отправляясь от Православия (как, например, видно из работ митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна); но легко понять, что так же правомерно будет исходить и из других сторон нашей триады: через государственное видение (И.Солоневич. «Народная монархия») или через общинность, ведущую к соборности (Н.Федоров. «Философия общего дела»). В разные периоды истории сам порядок «элементов» триединства мог меняться, тот или иной из них мог выдвигаться на передний план, соответственно стоящим перед Россией очередным задачам, другая последовательность совсем не нарушала при этом гармонии их, а как раз наоборот, служила поддержанию и укреплению ее.

Конечно, неравномерность в развитии элементов, если она своевременно не выправлялась, могла вести к деформациям, как

это и случалось, например, в петровские времена, когда государственная идея так возобладавала, что приглушала и подавляла идею народную и религиозную. Явление это, однако, не носило характера фатальной неизбежности. Кроме того, оно смягчалось уже тем, что каждый из элементов русской идеи опосредует отношения между двумя другими, каждый выверяется в своей добротности, истинности, в своей гармонии с другими двумя, корректируется ими и сам выправляет их, конкретизируя целое. Например, отношения между государем и народом опосредует (и значит регулирует и очищает) православная совесть. Она соединяет их и крепит внутреннюю их связь. И то же с другими отношениями сторон целого.

Иными словами, целое представляет собой самоорганизующуюся и саморегулирующуюся живую систему, где все держится под неусыпным внутренним контролем, все предохраняется от чрезмерных отклонений, выверяется и уточняется во взаимных отношениях⁷. Так и оформляется в качестве специфически русской идеи внутренне подвижная и постоянно поддерживающая в себе соразмерность триада, тогда как механическое соединение элементов ее (хотя обозначающие их слова будут те же) совсем не носит характера русской идеи.

В самом деле, чтобы оформиться в нее (идею), Православие должно явиться русским (не византийским, не греческим, не грузинским и т.д.) Православием, и не просто как церковная доктрина, но как народная вера; самодержец должен быть православным и национально ориентированным государем; народ должен быть православным народом, поддерживающим своего царя. Общественный идеал здесь — не «самое прогрессивное» государственное устройство, не «самое лучшее», витающее в чьей-то голове, измышленное и лишь воображаемое, а то, которое должно быть впору вполне определенной общности, оформившейся в народ со своей обычной культурой, правами, верованиями, обычаями, традициями. Как писал П.И.Новгородцев, «Дело не в том, чтобы власть была устроена на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы эта власть взирала на свою задачу как на дело Божие и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения»⁸.

Сочлененность всех трех зиждательных начал русской жизни позволяет каждому из них противостоять пагубным чужеродным воздействиям. Например, самодержавие именно потому выступает по отношению к иностранным государствам в оп

ределении самостояния, суверенности, что оно имеет прочную опору и надежную поддержку в православном и национальном самознании.

Далее. Русское православие — государствообразующая религия⁹, русский народ — народ государствообразующий. Преданность государю означала для православного люда не столь преданность лицу, сколько верность символизируемому в нем отечеству, так что «жизнь за царя» легко развертывалась, как во время Отечественной войны 1812 г., во вдохновенный воинский клич «За веру, царя и отечество»¹⁰.

Будем иметь в виду, что в глубинных своих определенностях русское Православие было державным по духу (сам тезис «Москва — третий Рим» зародился в среде православного духовенства) и национальным православием, народной верой. Самодержавие было православным («диктатура совести») и народным («народная монархия», «соборная монархия», «самодержавие совести» не в самодержце только, но в каждой русской душе, в каждом православном верующем). Русский народ был православным и монархически настроенным. Связь всех трех элементов была внутренняя, каждый предполагал в себе два другие в теснейшей их сплетенности (не поглощая их в себе и не растворяясь в них, так что и внешнее их единство оказывалось выражением единства внутреннего)¹¹.

Нет надобности скрывать или строить иллюзии о реальном состоянии идеальной целостности, каково оно во временном, историческом, особенно теперешнем бытии: целое расстроено, поражено недугом, находится в упадке и на краю гибели. Русская идея — не только прекрасный гармонический идеал, но и горестная сегодняшняя личность, искалеченная суровая реальность; принимаем золотую рыбку, надо принимать и разбитое корыто. Но дело совсем не в каратаевском смирении, и не в сокрушении, не в горе-горевании перед лицом жестокой судьбы, — русскому духу и русской идее напрасно отказывают в крепком волевом начале, в воле к воссозданию из теперешних руин обновленного, более обустроенного и прекрасного жилища своего духовного бытия. К этой воле взывал Вл. Соловьев: «Русская идея, — читаем в его одноименной работе 1888 г., когда впервые и был введен им в оборот этот термин, — исторический долг России требует от нас... обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех орга

нических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая и истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы — вот в чем русская идея»¹².

В русской идее мы имеем одновременно 1) с вечной небесной Троицей и 2) с изменяющейся во времени земною, социальной Троицей, ранимой, даже, как мы знаем, разрушаемой и низвергаемой; и потому 3) с задачей ее восстановления и приближения ее содержания к вечному ее образцу. Это соответствует и логическому пути в метафизике Вл. Соловьева: от единства через разложение во множественность к целостности и — историческому развертыванию духовного содержания, моменты которого у Соловьева суть: 1) Божественное совершенство, 2) несовершенство человеческое, 3) путь совершенствования, приближения человека к своему Божественному образу.

Русская идея, поскольку она причастна временному развитию, включает в себе настоящее, прошедшее и будущее, мы имеем в ней дело с реальной посылкой и идеальным проектом, с наличной действительностью и целью, с сущим и долженствующим быть, с неутраченным прошлым с осуществимым будущим, с осуществляемым ныне идеалом. «Идеал, если он только не пустая мечта, не может быть ничем другим, как осуществимыми совершенством того, что уже дано»¹³. Вслед за Вл. Соловьевым на такой неразрывности времен, а главное — на реальности идеала, настаивал Л. П. Карсавин: «Идеальное состояние ни в коем случае не должно пониматься как исключаящее то, что есть и что было, конкретную действительность». Оно содержит в себе всю подлинную действительность настоящего и прошлого. «Оно не потусторонне, а всесторонне; движение к нему — не уход от сущего и метафизический скачок в иной мир..., но преобразование и спасение всего сущего, даже того, что **видимо**, эмпирически погибло». Смысл христианской догмы воскресения Карсавин толкует в духе Н. Федорова: это победа над забвением и временем, над прошлым и будущим, над самой смертью, это воскресение всецелое: не душевное только, а и телесное¹⁴.

Во взглядах на будущее, в видения его имеет смысл различать: будущее желаемое и чаемое (что включает надежды, упования, мечты, утопии, фантазии); будущее, определяемое общественно-историческими закономерностями, «объективными», «естественными» тенденциями развития; будущее должное, нрав

ственно необходимое, — ибо нравственную необходимость (и свободу) отличаем от естественной необходимости (и свободы); будущее фактическое, получающееся из «соотношения сил» и сочетания указанных выше факторов, как общий результат взаимодействия (и противоборства) всех их.

Какого же будущего нам ожидать и для какого трудиться? Будущее чревато великими опасностями, но велики и надежды на лучшее, и в него надо верить, имея в виду идею всеединства. На том стоит Л.П.Карсавин: исходя из идеи всеединства, «мы поймем, что будущее в настоящем и что настоящее само по себе обладает непреходящей ценностью»¹⁵. Связь времен — в добре. «Только то будущее, которое и сейчас проявляется в добре, должно быть целью деятельности»¹⁶.

В самом широком и общем своем определении русская идея есть нравственная идея. Русская философия несет на себе этот отпечаток и является по преимуществу философией нравственности, она раскрывает этический смысл этой идеи. Не стоит усматривать здесь склонность к «абсолютизации» этического. Подход и рассмотрение «под формой вечности» в этике, как и в метафизике, и в эстетике и т.д. не есть абсолютизация. Абсолют не подменяется, он остается сам по себе. Нравственность абсолютна лишь в том смысле, что причастна Абсолюту¹⁷.

Веками созидавшееся единство трех устоев нашей народной жизни есть единство не только органическое, но и нравственно-духовное. Иной, кроме Православия, государствообразующей религии (не обязательно ей быть вместе с тем и религией государственной, как мы знаем это по советскому времени) в России никогда не было, и это не привилегия перед другими религиями в России, а богопризванность русского Православия с единственной для него прерогативой — большим грузом ответственности. И точно так же государствообразующим народом в России является народ русский — не по привилегии перед другими, а по назначению, по историческому своему призванию и долгу, сопряженному с более тяжелой ношей ответственности. Русская идея подразумевает сознание этой ответственности.

Во всех своих аспектах и преломлениях, — в культурном, религиозном, политическом, правовом, — русская идея носит нравственный характер. Она не является одною только теоретической идеей, она обладает бытием, наличной действительностью, она — идея **практическая**, она означает определенный — именно национальный, нравственно ориентированный — образ

действия, теоретического и практического, образ мыслей и образ жизни.

Нравственный характер идеи **обязывает**: нравственная свобода предполагает исполнение долга. Поэтому Вл. Соловьев напоминает, что действительная национальная идея «не есть отвлеченная идея или слепой рок, но прежде всего нравственный долг»¹⁸.

В отличие от кантовской практической философии, где нравственная практика носит индивидуальный характер¹⁹, в русской идее практика, прежде всего нравственная, — это **общее дело** (Н. Федоров), соборное дело.

Прежде всего это касается религиозной практики, православной веры. В отличие от протестантской, она не утесняется в рамки «частного дела», принятие ее — не результат рассуждений и просчитанного выбора, моральной калькуляции. Православная вера есть приобщение ко Христу не в одиночку, а сошедшихся во имя Его «двоих или троих», и всегда представляет собою нечто общее, общее дело. Соборное дело. Высшее единящее начало Православия и Народности заключено в понятии Соборности.

Соборность — это прежде всего принцип организации православной церкви, но простирается он и на устройство народной жизни, которая содержит предпосылку и основу для реализации этого принципа — общинную нравственность, служащую ступенью к религиозному единству и церкви, и народа, единству с общим Божественным Главою в Церкви, с самодержцем в государстве.

В данном отношении и соборность не есть одно только абстрактное понятие (хотя в качестве такового его напрасно было бы искать в «Философской энциклопедии» или в «Философском энциклопедическом словаре»). Соборность — издавна складывавшаяся на Руси форма общежития, самоуправления, церковной и государственной организации общества. О ней (соборности) не следует говорить только в прошедшем времени. Частью в превращенных и извращенных, частью в истинных своих формах она продолжает существовать, она не изжита и не устарела. Соборность основывается на традиции развивающейся, способной к обновлениям.

Соборность есть высшая степень развернутости и возвышения к духовности того же самого содержания, содержания нравственного, которое заключено в общинном принципе. Общины сами восходят к тому, чтобы через иерархию единств соединиться

в государственное формообразование, сущность которого состоит в том, что оно есть некоторого рода духовная община.

В народном представлении существует образ кровного родства сравнительно близкого или более отдаленного между царем и всем народом русским, родословная царской семьи и семьи мизинного человека где-то соединяются в одном корне, генеалогии смыкаются. Народ — это разросшаяся и многократно разветвленная семья, а царь в ней — отец, батюшка. Так в ходу у нас издавна были еще не истершиеся в памяти нынешнего поколения теплые и приветливые обращения: «отец», «братишка», «сынок», «тетенька». Я не говорю уж о православной общине, где прочно закрепился обычай обращаться и относиться к единоверцам как к ближним, — в духовном смысле они и взаправду близкие — «братья и сестры».

В наше время если и заводят речь об общине, то как о чем-то архаичном, ушедшем в прошлое, об остатках общинности — как о чем-то «к сожалению» еще не изжитом, но уже никакой существенной роли не играющем в нашей **цивилизованной** жизни, в нашем так называемом **гражданском обществе**. Считается, что от общины осталась одна только консервативно-романтическая идея.

Однако *общинное мышление* (о котором, как равно присущем и народному мышлению, и мышлению подлинно философскому, говорил Соловьев) с этим решительно не согласно. Общинность жива и жизнеспособна:²⁰ она продолжает существовать не только в форме земледельческой общины или общины-прихода.

Община — это не семья в смысле тесного кровного родства, тем не менее общинные отношения и связи осмысляются по образцу семейных. Высоко ценятся у нас — едва ли не выше собственно семейных нравственных уз, еще естественно-родовых, — нравственно-духовные узы братства (например, воинское братство).

В основе общинных отношений — будь то в артели, в сельской общине или в сословии — так же как в основе действий и поступков отдельных носителей общинного сознания лежит прочное доверие друг к другу и к соборному целому, — доверие, к которому не примешано ничего постороннего, — ни страха, ни вражды. Доверие есть устойчивый способ отношения, связующий людей не как чужаков, а как «друзья своя». На доверии строится и общинное самосознание: я доверяю всем в том, что они срастили свое «я» с общностью и знаю, что они знают о моем доверии и

сами доверяют мне в том, что я сроднил свою личность с общинным целым и они знают, что я знаю об их доверии»²¹.

Связи и отношения здесь прозрачны и проникновенны, — задет или ущемлен один — чувствуют все: «Страдает ли один член — страдают все, радуется ли один — радуются все» (Ап.Павел). «Все за все ответственны и все во всем виноваты» (Достоевский). Такой принцип, по словам Б.Вышеславцева, «утверждает солидарность автономной личности и автономного народа. Всякий «изм» отрицается (одинаково социализм и индивидуализм) и утверждается солидарность, соборность, братство»²².

Личность также соборна, — не только в силу причастности семье, которая есть тварный образ Божьего Троиинства, и не только в силу непосредственной и опосредованной причастности другим более общим соборным единствам, также представляющим собой единства по образу Святой Троицы, но индивидуальная личность соборна в силу того, что сама она есть совершенно неповторимый образ и подобие Бога Троицкого, Святой Троицы (и предстает триединством еще и в другом отношении, — в терминологии Л.Карсавина как «самоединство, саморазъединение и самовоссоединение»). Подлинная личность соборна, так же как в иерархии соборных единств каждое единство представляет собою соборную личность (другое название для нее у Карсавина: «симфоническая личность»). Личность и общинность (соответственно личность и соборность) духовно единокровны, вполне совместимы и не противоречат друг другу, а внутренне согласуются между собой.

Принцип духовного родства, пронизывающий общинные единицы, простирается и на соборное тело нации. В свою очередь соборность в своем содержании обогащается и возвышается до уровня всемирной (в религиозном отношении — до вселенской) соборности. Русская идея соборности содержит в себе такой пункт, с которого прозревается всемирное братское единение людей и народов.

Русская идея чужда национальной замкнутости, она открыта, **распахнута**, она заключает в себе точку роста, расширения и возвышения над собственно национальным своим аспектом, в силу чего она, не переставая быть русской, оказывается одновременно **сверхнациональной**, единящей множество народов в сплоченной державе и вместе с тем, далее, мировой идеей: идеей всечеловеческого братства.

В своем религиозном аспекте русская идея также не замкнута в себе, а простирается до вселенской и, соответственно всемирной отзывчивости русской души, отвечает на вопрос об отношении русского Православия к другим вероисповеданиям, демонстрируя не стремление к химерическому экуменическому смешению религий (как языков при вавилонском столпотворении), а проявляя к ним мягкость, снисходительность, сочувствие и понимание: не всем истинная религия, Православие, под силу, и лучше уж иметь хоть какое-то вероисповедание, пусть отдаленно отстоящее от истины Православия, чем не иметь никакого.

Восточно-христианское сознание, по утверждению Л.П.Карсавина, «особенно остро и глубоко смущаемо идеалом всеединства», и представление о Церкви заключает в себе идею всяческого — и государственного, и культурного, и религиозного всеединства, т.е. всяческого единства всего человечества, всеединства вселенского. Карсавин отмечает **интуицию всеединства** как в высшей степени присущую нашей православной мысли: «Как всеединство постигается само абсолютное или триединое; как всеединство предстает идеальное состояние причащающего абсолютного космоса; и всеединство же в потенциальности своей характеризует эмпирическое бытие. А интуиция всеединства непримирима с типичным для Запада механическим истолкованием мира... Православие глубоко космично, и потому сильнее и полнее, чем Запад, переживает в себе прозрения эллинства, сопряженные с жизнью мира. Так, нашим далеким предкам, несмотря на недостаточность культуры (?), доступна в иконописи символика красок и сложных композиций, раскрывающая существо космической жизни»²³.

Что всеединство **должно** быть претворено — это для русской мысли не требует обсуждений. Трудность заключается в том, чтобы выявить надлежащий способ объединения качественного многообразия. Во всяком случае это должно быть нравственным единством, единством в добре. В этом направлении громадную работу (частью даже чрезмерно унифицирующую) проделал Вл.Соловьев. Но детальный анализ достоинств и недостатков (и передержек) заслонил бы здесь общее усмотрение, поэтому я приведу лишь предостережения Л.П.Карсавина по вопросу о всеединстве.

«Это всеединство нельзя мыслить как безразличное единство всех народов или такое же единство их под одною только церковною властью. Тогда оно не будет всеединством. Его не

обходимо мыслить по аналогии с живым организмом — оно живое тело Христово. И как нельзя создать органического единства, перемолов и перетерев в однородные атомы человеческое тело, но надо исходить из сознания и особого смысла и особого значения каждого из органов, в качественности своей необходимого для целого, так же нельзя создать единство человечества путем уничтожения культурных, национальных и других особенностей»²⁴.

Кроме **непосредственного** возвышения до **вселенской**, русская идея связывается с последней и простирается в нее через **опосредствования**, — через славянскую идею («панславизм»), она тоже есть русская идея; через российскую идею, тоже русскую идею; через отношение России к Востоку и Западу.

Духовный облик Востока являет нам единство без свободы личности, — личность стирается и поглощается всеобщностью. Запад претерпел раздвоение на единство без свободы (католицизм) и свободу без единства (протестантизм). А.С.Хомяков, поддержанный затем Вл.Соловьевым, выразил преобразующую и синтезирующую роль русского духа в преодолении расходящихся принципов обеих сторон с целью их сближения в новом, высшем принципе: **единство в свободе и свобода в единстве**.

Достоевский говорил о способности и действительном намерении России в спокойствии своей силы проявить **национальную личность** ее народа, показать западноевропейским и другим народам пример «искреннего мира, международного всеединения и бескорыстия». «Мы первые объявим миру, — писал он в «Дневнике писателя» за 1877 г., — что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, участь у них и уча их, и так до тех пор когда человечество, восполняясь так мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю. О, пускай смеются, — тут же предупреждает писатель иронические хихиканья противников, — пускай смеются над этими «фантастическими» словами наши теперешние «общечеловеки» и самооплевники наши, но мы не виноваты, если

верим тому, то есть идем рука в руку вместе с народом нашим, который именно верит тому»²⁵.

Русская идея, само собою разумеется, идея национальная. Тех, кто не умеет усмотреть в национализме ничего положительного, следует успокоить: в их смысле национализм русской идее не присущ. Для осуществления своего национального призвания нам не нужно действовать, как справедливо утверждает Вл. Соловьев, «**против** других наций, но **с** ними и **для** них», и в этом видно великое доказательство истинности русской идеи. «Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру неведома зависть»²⁶.

Истинность русской идеи выверяется теоретическими над нею размышлениями о встречном пути — от всечеловеческого к национальному и индивидуальному: всеобщие цели реализуются не иначе как в особенных индивидуальных задачах, назначениях, в личном долге и его исполнении. На этот счет позволю себе снова воспользоваться рассуждением Л. П. Карсавина: «Путь к цели человечества лежит только через осуществление и целей данной культуры и данного народа, а эти цели в свою очередь осуществимы лишь через полное осуществление каждого его собственного идеального задания во всякий, и прежде всего в данный, момент его бытия. Личная этика неотрывна от этики общественной и покоится на тех же самых началах»²⁷.

В дополнение к подмечавшимся до сих пор синтезирующим моментам в русской идее, конституирующим ее целостность, добавлю еще один. После крещения Руси русская идея как Замысел Божий о России ответно осознавалась нашим народом в его обороне как от восточных варваров, так и от поползновений с Запада, как от басурманов, так и от латинян. В непрерывной борьбе за свое национальное и духовное бытие православная Русь осознала свой путь преемницей стержневого вселенского царства истории: «Москва — Третий Рим»²⁸.

Сколь ни важен и значителен этот результат, на нем нельзя остановиться и успокоиться. Дело не в каком-то «экспансионизме». Русская идея — не только развивающаяся и совершенствующаяся (не смешивать с «прогрессом» в западном понимании, распространенном и у нас), но содержит в себе этот момент как безусловный императив. Дети должны стать лучше нас. На пути нравственного и религиозного восхождения и роста нельзя остановиться и сказать себе: «я достиг...», «я совершенен...». Без нравственного и религиозного совершенствования, без постановки перед собой высших задач, сверхзадач, государ

ство движется к своему концу. Довольство ограниченными целями губительно.

Если русский народ, историей предназначенный и Богом призванный быть государствообразующим народом, не осуществляет своего высшего призвания, то... знаем и видим, что из этого получается. Воля народа и его действия должны соотноситься с его назначением. Быть народом-богоносцем, «ядром» державы, создателем и зиждителем многонационального государства для него — не амбициозная претензия, а священный долг. Он существует, чтобы выполнить свое Божественное предназначение. Ограничиться задачей только выжить, высууществовать, только сохранить себя, — это равнозначно бесцельному существованию, прозябанию, это измена высшему своему предназначению и путь к вымиранию и исчезновению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гете И.В.* Фауст. Часть 1. Сцена 4. Перевод Н. Холодковского

² В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 365.

³ Сюда же надо причислить и значительную часть того культурного слоя нашего общества, который, обладая всеми основными — отнюдь не худшими — чертами и признаками принадлежности к нашему образованному сословию, почему-то совершенно не рассматривается в качестве интеллигенции. Я имею в виду духовенство, прежде всего православное, ведущее совсем не громогласную, но неуклонную, кропотливую, непрестанную работу по нравственно-духовному воспитанию не одних только своих прихожан. Место церковной интеллигенции в деле духовного просветления и преобразования людей, в деле **народного просвещения** (по отношению к которому, не будем этого забывать, и была выдвинута в первую очередь знаменитая формула министра народного просвещения гр. Уварова), место, на практике издавна ею занимаемое, должно быть отведено и по достоинству оценено также в научной теории.

⁴ *Хамяков А.С.* О возможности русской художественной школы // Русская эстетика и критика 40 — 50-х годов XIX века. М., 1982. С. 144.

⁵ *Муравьев В.Н.* Рев племени // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 405.

⁶ Там же. С. 404.

⁷ Элементарное первоявление соборности в эмпирической действительности, **община**, как нравственная общность, не может признать за собою права наказывать своих членов, ибо зло, преступление, болезнь, смерть и т.д. происходят в ней же самой, и общинное сознание признает себя виновным в каждом преступлении, в каждой болезни. «В общине-приходе никто никого другого не называет преступником, но каждый себя считает виновным во всем, что совершается в ней (чрез кого бы то ни было) преступного и вообще ненормального» (*Федоров Н.Ф.* Соч. М., 1982. С. 389). Община отыскивает условия происхождения того или иного из недугов, обнаруживающихся в ней, который может обуславливаться недостатками самой общины, она их исправляет и устраняет, очищается от нравственных болезней, и в этом смысле, по выражению Н.Федорова, «община есть постоянная санитарная комиссия».

⁸ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 580.

⁹ «Русское православие больше связано с идеей самодержавия, чем принято думать. Оттого-то катастрофа монархии стала катастрофой и для него» (*Карсавин Л.П.* Восток, Запад, русская идея // Русская идея. Сост. и авт. вступ. статьи М.А.Маслин. М., 1992. С. 321).

¹⁰ Согласно И.А.Ильину народ должен «уметь иметь царя». В России, комментирует эту мысль А.В.Гулыга, сегодня, увы, «умения» нет, единственный выход — «национальная диктатура» (См.: *Гулыга А.В.* Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 237).

¹¹ И.Солоневич точно обозначил основные сочетания связей в целостно сплоченном организме национального устройства, имея в виду прежде всего Московский период истории Руси: «Царь считал себя Нацией и Церковью, Церковь считала себя Нацией и Государством, Нация считала себя Церковью»

- и Государством. Царь точно так же не мог — и не думал — менять православия, как не мог и не думал менять, например, языка. Нация и не думала менять на что-нибудь другое ни самодержавия, ни православия, — и то, и другое входило органической частью в личность Нации. Царь был подчинен догматам религии, но подчинял себе служителей ее» (*Соловьев И.Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 374).
- 12 *Соловьев В.С.* Русская идея. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 245-246.
- 13 Там же. С. 239.
- 14 *Карсавин Л.П.* Сочинения. М., 1993. С. 182.
- 15 *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. С. 323.
- 16 Там же.
- 17 «Нравственные требования абсолютны, но не сами по себе — категорический императив русскому человеку не более понятен, чем парламентаризм на аглицкий манер, — а в силу обоснования их самим абсолютным. И стоит поколебаться в вере в абсолютное, чтобы появилось полное отрицание морали и вообще всего исторически сложившегося. Недаром Иван Федорович Карамазов, человек очень русский, вместе с Ф.М.Достоевским полагал, что «все дозволено», если нет бессмертия» (*Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. С. 320-321).
- 18 *Соловьев В.С.* Русская идея. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 238-239.
- 19 «Кант — враг дела вообще и общего дела в особенности... В нравственности он не разглядел великого общего дела; обратил ее в делишки вроде вопроса: «Позволительно ли принимать приглашение на неумеренность?»... Разум познающий обречен им на незнание, а разум практический — на действия в одиночку, то есть ограничен в своей активности одними личными делишками, безделицами. Первому не хватает истины, второму — блага» (*Федоров Н.Ф.* Соч. М., 1982. С. 536).
- 20 «...К счастью для человеческого рода, [земледельческая община] далеко еще не везде убита цивилизацией в нынешней форме, так что можно думать, что большинство даже тех народов, внешние слои коих объевропеились, в более глубоких слоях продолжают жить еще в общине; а потому мудро себе представить, что Западная Европа и Америка не восстановят у себя общину, когда большинство человеческого рода удержит эту форму жизни не веледствие косности только, как теперь, а сознав преимущество ее перед формами цивилизованной жизни» (*Федоров Н.Ф.* Соч. М., 1982. С. 356).
- 21 «В этом всепроникающем доверии, — писал И.Ильин, — лежит глубочайшая и вернейшая из политических «гарантий»: «граждане», «общины», «правители», связанные единым духом, субстанциальным интересом и взаимным доверием, ведут «органическую государственную и народную жизнь» и владеют истинным смыслом «правления и подчинения»» (*Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. В 2 т. Т. 2. М., 1918. С. 199).
- 22 *Вышеславцев Б.* Кризис индустриальной культуры (1953). Нью Йорк, 1982. С. 350.
- 23 *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. С. 319.
- 24 Там же. С. 321.
- 25 *Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч. в 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 100.
- 26 *Соловьев В.С.* Русская идея. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 246.
- 27 *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. С. 323.
- 28 См.: *Назаров М.* Триумф мировой закулисы // Наш современник. 1996. № 12. С. 238.